

Русины в произведениях Дюлы Круди

ИГОРЬ КЕРЧА

Society “Znannya”, Rusyn Scientific-Educational Society
88000 Uzhgorod, Narodna square 4, Ukraine
E-mail: kercsa@mail.uzhgorod.ua

Abstract: After World War I Hungary was passing through stormy years of partition of the country and proletarian revolution. The Hungarian society did not know enough about the non-Hungarian compatriot nations, though some of the Hungarian writers years before did their best to get over the problem. When in 1918 the National Law N° X was passed, on the strength of which the Rusyns of the People’s Republic of Hungary were given autonomy, Gyula Krúdy wrote his book about the Rusyns to let the Hungarian society knew who as a matter of fact those Rusyns were. He intended to publish this book in 1919 in Ungvár, but the city was seized by the French foreign legion and his plan failed to become a reality. That time the book was only published in Budapest. Nowadays it has been published in Uzhgorod (the former Ungvár) in Rusyn and gives the reader an essential survey of Rusyn temper, traditions, circumstances of life and place of abode at that time. The author’s vivid and cordial description agrees with a lot of other descriptions as well as widespread stereotypic images of the Subcarpathian Rusyns. It also presents the author’s idea of the Russians and Ukrainians.

Keywords: Gyula Krúdy; Subcarpathian Rusyns; Hungarian Russians; Uhro-Russians; Hungarians and Rusyns; Rusyn temper; Rusyn traditions; Rusyn ethnography; Rusyn autonomy; Rusyns after WW I; Slavic nations of Hungary

В одной из работ Иштвана Удвари¹ я натолкнулся на весьма интересную мысль, которая непосредственно касается моей темы. Рецензируя статью Елены Рудловчак, автор обращает внимание читателя на приведённую в статье цитату из Маврикия Йокаи, в которой писатель замечает, что изучение культуры соседних народов «развивает в нас умение лучше уважать собственные ценности, ставит перед нами много задач, снимает многочисленные предубеждения. Если на Земле настает когда-нибудь всеобщий мир, то это случится в результате повсеместного расширения этнографии». В другом контексте, но по сути подобную мысль выражает Чаба Д. Киш, говоря о великом венгерском писателе, Ласло Неймете, который «в начале тридцатых годов с изумлением обнаружил, что венгерская нация по существу почти не знает своих соседей, как он выразился, „своих молочных братьев“, с которыми она связана общей исторической пуповиной»². В начале 20-х годов

¹ *UDVARI I.*, Cseh-Szlovákia ruszin-ukránjainak kalendáris szokásai: Szabolcs–Szatmár–Bereg Szemle 1994. 455–458. Цит. по *ego же*, Tallózások ukrán, ruszin és szlovák könyvek körében. Studia Ukrainica et Rusinica 2. Nyíregyháza 1995. 189.

² *KISS Gy. Csaba*, Két látomás a közép-európai szellemi hazáról. Stanislaw Vincenz és Német László: Új Dunatáj (Szekszárd) 1996. 4: 63–70. Цит. по *ego же*, Nyugaton innen – Keleten túl. Miskolc 2000. 53.

минувшего столетия венгерское общество не могло прийти в себя от шока, когда от страны осталась только треть, да и та оказалась в окружении враждебных держав. Такие писатели как Маврикий Йокаи, Кальман Миксат, Дюла Круди уже задолго до этого прилагали усилия к тому, чтобы венгерское общество ближе познакомилось с народами невенгерской национальности, населяющими страну. Но эти их усилия были недостаточными или запаздывали, как и реакция венгерского общества и его правящих кругов, и не могли изменить ход событий. Весьма наглядным примером этому является народный закон № X 1918 г., которым была образована Руська Крайна,³ и произведение Дюлы Круди *Наши славные русины (Зарисовки из Руськой Крайны)*, которое автор собирался издать в начале 1919 г. в Унгваре (ныне Ужгород), столице новообразованной автономии, чтобы объяснить венгерскому обществу, кто же такие русины. Но в город уже вступил французский иностранный легион, и книгу эту, хотя и совершенно готовую к печати, теперь можно было издать только в Будапеште.⁴ А русинам предстояло отныне пережить еще не один переход из одной страны в другую, от одной идеологии к другой, испытать еще не один шок, надежду, разочарование. После всего ими пережитого, нетрудно догадаться, что нынешние русины уже не могут быть такими, какими их увидел и нарисовал писатель 80 лет назад.

И все же, произведение Круди не утратило своей актуальности и ныне, во-первых потому, что лишь в последнее время, когда мы освободились от идеологических запретов, снова появились условия для решения постоянно важной задачи: ознакомления общества с этнографией и культурой соседних народов, — а во-вторых потому, что сами русины наконец-то получили возможность изучать собственную историю, этнографию и культуру, и конкретно из упомянутого произведения они с радостью и изумлением прочитают о том, каковы были их деды (в глазах венгерского писателя), и сопоставят с тем, каковы они сами в наши дни. Напротив, скорее можно утверждать, что ныне — во всяком случае в отношении русинов — подобные произведения как нельзя более отвечают запросам дня. В то время как в историографии русинов уже обнаруживаются отрадные признаки того, что историки (хотя и не все) начинают избавляться от идеологических предубеждений и пытаются искать объективную истину в неселектированных фактах и источниках,⁵ русинская этнография явно нуждается в глотке свежего воздуха, примером которого может быть произведение Дюлы Круди.⁶

³ Автономная русинская земля в составе Народной Республики Венгрии.

⁴ *KRÚDY Gyula*, *Havasi kürt. Ruszin-Krajna kistükre*. Budapest 1919.

⁵ См., напр., *І. Гранчак и др.* (ред.), *Нариси історії Закарпаття*. Том I (з найдавніших часів до 1918 року). Ужгород, 1993; *Андраш III. Бенедек*, *Сосіди добрі і вшелякі*. Русини, gens fidelissima. ПоліПрінт, Ужгород 2001.

⁶ См., напр., *Іван Сенько*, *Ментальність русинів-українців*. Ужгород 1996. Отрад-

Центральное произведение Круди о русинах, вышеупомянутые очерки — *Наши славные русины (Зарисовки из Руськой Крайны)*, было написано зимой 1918 г. Русины, или их родина, Подкарпатье, фигурируют и во многих других его произведениях, но наиболее полно и всеобъемлюще русины представлены именно здесь, что позволяет сосредоточиться на этом наиболее характерном произведении. Ласло Штурм, редактор недавно изданного сборника произведений Круди, так говорит о данном произведении: «Его жанр определить нелегко: серия зарисовок, этнографическое описание и описание среды обитания, репортаж, — но его можно назвать и одним из первых литературных социографических описаний».⁷ И это в самом деле так: этнографическая и социографическая работа в форме литературного произведения, которая, будучи дополнена описанием местности, среды обитания, в которой живут русины, дает лучшую возможность понять их характер. В принципе можно сказать, что Круди не делает какого-либо необыкновенного открытия. Черты характера русинов, которые он рисует, совпадают со многими другими описаниями, с тем, что сообщили о русинах другие авторы (А. Годинка, А. Духнович, А. Павлович, А. Маркуш, И. Ольбрахт, Д. Ортутай, Т. Ортутай и др.), с нашим повседневным опытом, с привычным, распространенным этно-социальным образом (стереотипом) русина. Убедительность работы Круди кроме этого в том, что он преподносит нам свое описание в форме волнующего, задушевного литературного повествования. Что же касается достоверности, здесь следует отметить, что дело обстоит совершенно так, как и с его произведениями, посвященными исторической тематике: автор может допустить погрешность в конкретных данных, в отдельном событии, но образ в целом, истолкование и понимание сущности у него безукоризненно точны!

но, что изданная уже в условиях нового времени работа известного в Подкарпатье фольклориста демонстрирует стремление к критическому и аналитическому подходу, но она явно страдает от недостатка и односторонности источников. Например, для характеристики русинов Иван Сенько использует только украинские источники, а из русинских авторов А. Волошина, В. Гренджу-Донского, А. Маркуша (все проукраинской ориентации) и А. Духновича (которого можно трактовать неоднозначно); на основе несколько тенденциозно выбранного материала он противопоставляет русинов венграм, немцам, евреям и другим народам (уместно отметить, что это *de facto* было в ходу вопреки официально провозглашаемой 'дружбе народов' во времена господства коммунистической идеологии), не удосуживаясь представить мнение представителей этих народов о русинах. А ведь известно, что русины с самого начала жили в многонациональной среде (в отличие от украинцев) и никогда не имели конфликтов с соседями! Образ русина, нарисованный Иваном Сенько, в некоторых отношениях довольно существенно расходится с тем, что пишет о русинах Дюла Круди. И причина этого — не только отдаленность во времени. Возможно, с учетом этого источника (и многих других, исключенных по идеологическим мотивам) образ этот стал бы объективнее, а значит, ближе к истине.

⁷ STURM László, Regék tájképei között: Krúdy Gyula, Havasi kürt. Miskolc 2001. 162.

Стереотипные положительные черты русина: честность, мирный нрав, кротость, тесно связанные с его набожностью; лояльность, законопослушность и преданность, которые он неизменно проявлял в течение всей своей многовековой истории; простота, скромность и неприхотливость; и отрицательные: консерватизм, суеверие, невежество, пьянство, неопрятность, беспомощность (непрактичность, необоротливость), неумение противостоять эксплуатации. Круди не замалчивает даже эти отрицательные черты, более того, он ищет им оправдание в тяжелых условиях жизни русинов. Автор рисует перед нашим взором образ народа, пребывающего в состоянии младенчества, нуждающегося в помощи, и подобно Эдмунду Эгану (упоминаемому здесь же, в произведении), выступившему с экономической программой, Круди набрасывает основные пункты программы духовно-просветительной: «Нужно научить его есть, питаться, извлекать силу и радость не только из алкоголя. Нужно научить его радости от книг, от чтения, от всех красок жизни, от человеческого счастья без водки. Нужно научить его ходить, как малое дитя».⁸ Как литератору ему сразу бросается в глаза, что в этом крае не только русины, но и наиболее образованный социум, евреи, не знают, что такое книга, «тут в ходу лишь сонник и календарь». Возможно, в наше время программа эта покажется нам несколько наивной, но не следует сбрасывать со счетов, что образовательно-культурный уровень тогдашних русинов был несравнимо ниже нынешнего, впрочем, верность и реальность начертанной Круди духовно-просветительной программы подтвердила впоследствии успешная деятельность общества им. А. Духновича и общества «Просвита», которые фактически реализовали аналогичную программу. К наиболее ценным с точки зрения этнографии частям произведения следует отнести зарисовки, в которых увековечены для нас мараморошские поминки, обычаи в Иванов день, обряды, которые практически в такой форме уже ныне не существуют, а также паломничества в Марияповч, которые сейчас совершаются иначе и русинам менее доступны, ибо эта бывшая Мекка русинов уже находится за границей. Интересны, точны и верны наблюдения автора, касающиеся взаимоотношений русинов и венгров (венгр является примером для русина как хороший хозяин), русинов и евреев (русин ценит еврея за его образованность, мудрость, ловкость, оборотливость): следовательно, русин ценит у других то, чего ему самому недостает. К точным наблюдениям относится и отношение горян-верховинцев к жителям долин, в котором чувствуется зависть: жители долин уже больше приблизились к цивилизации и благосостоянию.

Таким образом, можно заключить, что Круди весьма глубоко и всесторонне был сведущ во всех вопросах, касающихся характера подкарпатских русинов, их истории, условий обитания, мировоззрения и т. п.

⁸ *Krúdy Gyula*, Havasi kürt. Miskolc 2001. 22.

Столь глубокие сведения, конечно же, он не мог приобрести за короткое время работы над рассматриваемой книгой: здесь он опирался практически на весь опыт своей жизни, ибо с русинами ему довелось встречаться уже в детстве, когда он учился в гимназии в Подолинце (ныне: Podolínes в Словакии). Однако, кроме этого практического, жизненного, личного опыта Круди опирается и на некоторые умозрительные представления, почерпнутые из литературы. Интересно взглянуть: как воспринимает Круди русинов в кругу других родственных восточнославянских народов. Большой поклонник и ценитель русской литературы, он неоднократно упоминает в своих произведениях малорусских (к ним относит Гоголя) и русских писателей (Пушкина, Лермонтова и др.). В лирически, романтически окрашенных описаниях Подкарпатъя угадывается влияние Гоголя, описывая суровость Карпат, он упоминает певца Кавказа Лермонтова и т. д. Круди не рассматривает русинов как отдельный от русско-украинского этнического массива народ (впрочем, как и не отделяет украинцев от русских), наоборот, он постоянно находит параллели, которые позволяют ему сравнивать практические представления о русинах с умозрительными, теоретическими, почерпнутыми из литературы представлениями о русских и украинцах. Конечно же, учитывая различие источников этих представлений, такое сопоставление не всегда корректно, и его следует, видимо, считать не более чем литературным приемом. Без всякого сомнения, здесь сказалось господствовавшее в то время в Венгрии представление о русинах, как о русских. Например, издававшаяся примерно в это время энциклопедия Révai Nagy Lexikona в гнездах *Русины*, *Русинский язык и литература*⁹. Это еще одно свидетельство того, что венгерское общество в самом деле почти ничего не знало о населяющих страну невенгерских народах. Разумеется, такие представления подпитывались также пропагандой идеи панславизма и тем, что значительная часть языковедов, литераторов, переводчиков, через которых обеспечивались контакты венгерского общества с русской культурой была русинского или подкарпатского происхождения¹⁰. В наше время примерно такую роль выполняют русины и Подкарпатье в украинско-венгерских контактах, о чем может свидетельствовать библиография переводов венгерской художественной литературы на украинский язык, составленная Лесей Мушкетик.¹¹ Русские и украинцы в представлениях Круди, взятых из литературы, — дети таинственной, великой, суровой, печальной

⁹ Révai Nagy Lexikona, 16. Budapest 1924. 449.

¹⁰ См., напр., *Kiss Kálmán*, *Múlt századi magyarországi orosz nyelvtanok ruszin vonatkozásai: Dolgozatok Hodinka Antal tiszteletére*. Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia, I. Nyíregyháza 1993. 83–91.

¹¹ См. *Андраш Гьорьомбеї*, *Історія угорської літератури*. Ніредьгаза 1997. Переклала з угорської та уклала бібліографію Леся Мушкетик. Редакція та передмова Іштвана Удварі. 213–221.

и непостижимой восточной страны. И эти представления писатель проецирует на русинов, населяющих северо-восточный уголок страны, суровые, неприветливые горы, так резко отличающиеся от благодатной плодородной Венгерской Низменности. Сравнивая русинов с украинцами, Круди пишет: «Давайте прочитаем „Тараса Бульбу“, забываемую повесть Гоголя о казаках. В этой неподдельнейшей малорусской книге мы обнаружим все о наших Угро-Руссах. Кроме беспощадности. Она осталась там, за Карпатами, которые навеки отделили их от соплеменников»¹².

Наконец, следовало бы задуматься: почему, ведь не зря же, произведение Дюлы Круди русинам не разрешалось читать в течение многих десятилетий? На людей, воспитанных в те времена, оно могло бы оказать слишком сильное воздействие. Кое-кто, возможно, заподозрит Дюлу Круди в создании «неправильного» образа русина. Исключено: писатель просто не имел для этого никаких мотивов. У читателя произведения Круди никогда не вызывают сомнения в его искренности. Просто дело в том, что зоркий взгляд писателя открывает перед нами красочную и совершенно резкую фотографию в ракурсе, для нас непривычном. Достоверность же изображения не вызывает сомнений. Нечто подобное случилось и с книгой Кальмана Миксата *Словаки, родня наша*. Как только книга была опубликована, в ведущем словацком литературном журнале *Slovenské Pohľady* появилась анонимная рецензия,¹³ в которой автор ставит в упрек Миксату, что персонажи его произведения скорее венгры, нежели словаки, что он находит героев между мадьяризованными словаками, да и произведениями своими способствует мадьяризации. Хотя подобные подозрения высказывались и в дальнейшем, однако у словацкого читателя произведения Миксата с тех пор и поныне относятся к самым любимым книгам, что дает однозначный ответ, кто же прав.¹⁴ Так, наверное, будет и с произведениями Круди, которые займут достойное место в библиотеке подкарпатских русинов.

¹² Дюла Крудй, Наші добрі Русины. З мадярського потовмачив Ігорь Керча. Ужгород 2002. 58.

¹³ Исследователи считают, что авторство принадлежит одному из ведущих представителей словацкого национального движения того времени: Йозефу Шкультети или Светозару Гурбану-Ваянскому. См. *Kiss Gy. Csaba*, Nyugaton innen – Keleten túl. Miskolc 2000. 204.

¹⁴ Об этом подробнее см. *Kiss Gy. Csaba*, Указ. соч. 193–215; *его же*, Mikszáth Kálmán és a szlovákok: Mikszáth – A magyar polgárosodás kérdései – Élet a századfordulón. Balassagyarmat–Salgótarján 1977. 130–134; A Beszterce ostroma internetikus olvasatban: Mikszáth-Emlékkönyv. Horpács 1997. 83–91.